

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

УДК 930 (470) “20/21”

Кучин Ю.С.

Московский государственный областной университет

О «ПОЛОЧАНАХ» И «СМОЛЯНАХ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЕР. XX В. – НАЧ. XXI В.

Аннотация. В статье рассматривается отечественная историография проблемы «полочан» и «смолян» в древнерусской истории. Хронологические рамки историографического обзора определены второй половиной XX вв. – началом XXI в. В этот период появилось значительное число работ, посвящённых «кривичской» проблематике, в рамках которой исследуется дискуссионный вопрос «полочан» и «смолян». Поэтому обобщение результатов научных изысканий за данный отрезок времени имеет актуальное значение. Автором обозначены основные проблемы и подходы в отечественной историографии к освещению темы.

Ключевые слова: историография, восточные славяне, полочане, смоляне, кривичи.

Y. Kuchin

Moscow State Regional University

ABOUT «POLOCHANS» AND «SMOLYANS» IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE MIDDLE OF THE XX-TH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE XXI-ST CENTURY

Abstract. The article deals with the national historiography of the problem of «Polochans» and «Smolyans» in the history of ancient Russia. The chronological framework of the historiographical review is defined by the second half of the XX-th century and the beginning of the XXI-st century. In the period mentioned a lot of scientific works were devoted to the investigation of Kriviches' theme, within which the question of «Polochans» and «Smolyans» was discussed. Therefore, the generalization of the research results is relevant. The author determines the basic problems and approaches to the theme in the national historiography.

Key words: Historiography, the eastern Slavs, Polochans, Smolyans, Kriviches.

При исследовании «кривичской» проблематики в отечественной историографии 2-й половины XX в. – начала XXI в. нельзя обойти вниманием дискуссионный вопрос упоминаемых в летописях **полочан**.

Известный славист В.В. Седов в своей ранней работе, посвящённой этническому составу населения северо-западных земель Новгорода, рассматривал **полочан** как одно из «древних славянских племён» наряду с кривичами и словенами новгородскими [12, с. 193]. В последующем исследователь пересматривает свою точку зрения и не выделяет **полочан** как этническую общность, отводя им роль одного из компонентов этнографической группы смоленско-полоцких кривичей. В монографии «Восточные славяне в VI-XIII вв.» о **полочанах** читаем следующее: «...археологический материал не даёт возможности считать **полочан** отдельной этнографической (племенной) группой кривичей. Очевидно, **полочане** летописей были такими же кривичами, как и население Смоленской земли. Назывались они **полочанами** исключительно по политико-географическим мотивам» [8, с. 165]. В другой работе В.В. Седов утверждает, что «...**полочане** происходят от кривичей» [10, с. 232], «...какого-либо этнографического своеобразия курганы окрестностей Полоцка или бассейна р. Полоты не обнаруживают» и следует согласиться, «...что **полочанами** в Древней Руси назывались жители Полоцка, его округи и возможно всей Полоцкой земли, подобно тому, как новгородцами именовалось все население Новгородской земли» [10, с. 370].

К выводу, «...что **полочан**, как одного из древнерусских племён, по-

видимому, никогда не существовало», а «в XI-XII вв. так называли жителей Полоцка и его земли», пришёл и П.Н. Третьяков [13, с. 222]. Он считал, что **полочане** являлись одним из новых территориальных объединений, сформировавшихся в Восточно-Европейском регионе, появление которых было следствием «распада у восточных славян первобытно-общинного строя» [13, с. 221-222].

Аналогичное мнение также высказал Г.А. Хабургаев: «...есть все основания считать, что в действительности *полочане* – это не только не «племенное» имя, но, вероятнее всего, наименование, которое летописцы связывали с жителями Полоцка... и лишь через него – с Полотой, небольшой речушкой...» [17, с. 176]. Обособление «полоцких «кривичей», полагал исследователь, связано с формированием на средней Двине территориально-политического образования, центром которого стал Полоцк, «как это очевидно из исторического и археологического материала» [17, с. 177]. Указание летописцем имени «**полочан**» среди «терминов, определяющих этнические (диалектно-этнографические), а не административно-территориальные группы», Г.А. Хабургаев объяснял взаимодействием балтов и славян на территории Полоцкой земли, обусловившим этнографическое своеобразие населения данного региона, известное летописцу, который должен был видеть в **полочанах** «особую группу населения, отличную от других восточнославянских групп Древней Руси», таких как кривичи или дреговичи [17, с. 178].

Г.А. Хабургаев, выделяя представленные в «Повести временных лет» этнонимы на -'ане и -'ьци, обозначавшие,

по его мнению, территориально-политические объединения и связанные с названиями местности, в том числе и с гидронимами, считал, что производящей основой наименования «полочане» «непрерывно» является название реки Полоты, а не города Полоцка (также обязанного своим именем указанной реке) [17, с. 177].

Рассмотрению проблемы полочан посвящён один из разделов монографии Л.В. Алексеева «Полоцкая земля» [1, с. 50-61]. Признавая недостаточность данных источников (в том числе археологических) для окончательного вывода, Л.В. Алексеев всё же счёл возможным в итоге признать, что «...предварительно (до целенаправленных раскопок) можно считать, что полочане – часть кривичей...», которые впитали некоторые черты материальной культуры и языка ассимилированных ими племён балтов и восприняли «повсеместно топонимику аборигенов» [1, с. 60].

По мнению А.Г. Кузьмина, «полочане» могли попасть на страницы летописи в XI в., что было обусловлено киево-полоцкими отношениями того периода [3, с. 125-127]. А.А. Горский соглашается с тем, что «противоречия в летописных характеристиках кривичей и полочан могут быть связаны с многослойностью ПВЛ, редакторской работой над ней» [2, с. 53]. По его мнению, в тексте «Повести временных лет» нашли своё отражение «две разновременные политические ситуации в земле кривичей»: первая – описанная автором «Повести временных лет», когда во главе кривичского союза стояло племенное княжество полочан (до 2-й половины IX в.); вторая – представленная редактором летописного

памятника, когда главным центром кривичей был Смоленск (конец IX-X вв.) [2, с. 59-60]. Рассмотрев письменные свидетельства о полочанах, А.А. Горский приходит к заключению, что «в IX столетии кривичское население будущих Полоцкой и Смоленской земель составляло один союз, который помимо старого этнонима («кривичи») назывался также «полочанами» по имени сильнейшего из входивших в его состав племенных княжеств, получившего своё наименование от места обитания – р. Полоты» [2, с. 59].

Е.А. Шинаков считает, что «значение города как центра потестарной организации было так велико, что заменило старое племенное название «кривичи» на новое – производное от топонима («полочане», жители Полоцка и его округа)» [15, с. 52]. В монографии В.Я. Петрухина и Д.С. Раевского «Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье» полочане рассматриваются как «южная группировка» кривичей [6, с. 169], этноним «полочане» считается относящимся «к «старым» славянским названиям, восходящим к обозначениям «ландшафтных» зон», и связывается с рекой Полотой [6, с. 171].

Итак, вне зависимости от взглядов на летописные известия о полочанах ни один из вышеуказанных исследователей не выделял их как особую этническую общность, считая частью кривичского населения северо-запада Восточно-Европейского региона.

В отечественной исторической науке обозначенного историографического периода было представлено и другое мнение по данному вопросу. Например, Б.А. Рыбаков полагал, что наряду с кривичами и словенами нов-

городскими «особым племенным союзом» были Полочане, всегда выделяемые летописцем как самостоятельная единица» [7, с. 239]. Е.А. Шмидт рассматривает полочан как славян, расселившихся на Двине в земле кривичей [16, с. 21-22, 114-117]. Он полемизирует с В.В. Седовым, считая, что утверждение последнего о происхождении полочан от кривичей никак не вытекает из текста летописи [16, с. 21]. По мнению Е.А. Шмидта, летописные известия дают возможность предполагать, «... что кривичи были первыми жителями поселения при впадении р. Полоты в Двину, то есть там, где в дальнейшем поселились пришедшие славяне-полочане и где окончательно сформировался город Полоцк» [16, с. 22].

Мысль о словенах-полочаных как об отдельной этнической общности высказывал и Г.С. Лебедев [4, с. 415-419]. Согласно представленной им классификации восточноевропейских летописных «племён», полочане входят в число четырёх образующих основу этнографической карты «Повести временных лет» славянских общностей, которые составляют «как бы каркас древнейшей Руси, ее становой хребет» [4, с. 418].

Д.А. Мачинский, признавая, что вопрос «о соотношении в более раннее и более позднее время этих двух этнонимов (полочане и кривичи) и стоящих за ними этнических групп чрезвычайно сложен», утверждал, что «в недатированной части ПВЛ полочане, живущие на р. Полоте, определённо отличаются от кривичей, образуя отдельный небольшой остров «собственно словен» к западу от обширной территории кривичей, представлявших собой, по летописным и археологическим данным, особую группу балто-славянско-

го населения» [5, с. 44]. Полочане были определены Д.А. Мачинским как малое «словенское» племя [5, с. 44], как первоначально незначительная этническая группа южного происхождения [5, с. 46], пришедшая в Восточно-Европейский регион с Дуная [5, с. 44].

Ещё одним «особым славянским племенем» некоторые исследователи считали **смолян**. Так, О.Н. Трубочев писал: «...хотя высказывалось мнение, что часть кривичей впоследствии была переименована в смольнян по вновь возникшему Смоленскому княжеству, гораздо более вероятно обратное, что смоляне постепенно растворились и целиком вошли в состав могущественных кривичей» [14, с. 98]. По мнению Трубочева, смоляне являлись «порубежными, окраинными» славянами, которые «предстают перед нами неким авангардом славянского расселения» [14, с. 106]. Обратив внимание на то обстоятельство, что «...наша историческая наука целиком переняла концепцию нашей начальной летописи – концепцию, судя по всему, вторичную, что Смоленск был центром кривичей», а в «фундаментальной книге» В.В. Седова «Восточные славяне в VI-XIII вв.» «племя смолян не упоминается совсем», учёный считает необходимым отметить «актуально звучащие и сейчас положения» смоленского историка С.П. Писарева «о том, что особое славянское племя смолян поселилось на холмистом берегу Днепра, дав имя городу»; проявление самостоятельности этих древних смолян историк видел в том, что они «не участвовали в призвании варягов, как например, кривичи, в состав которых они потом вошли» [14, с. 99]. Далее О.Н. Трубочев приходит к заключению, что «время великопечно

проверило и подтвердило справедливость этого взгляда, который мы принимаем целиком» [14, с. 99].

В то же время исследователь полагает, что «...у восточных славян, на Руси... имеют место лишь отголоски славянского племенного имени смолян», что «...нельзя утверждать, что значение племенной принадлежности было забыто только в поздние века», т.к. «...русская летописная традиция уже не застала смолян как особое племя» [14, с. 98].

Выводы О.Н. Трубачева оказали влияние на взгляды В.В. Седова, признавшего допустимость существования на верхнем Днепре отдельного племени смолян, которое, возможно, до великой славянской миграции вместе со смолянами Балканского полуострова и смолинцами Полабья составляли единое праславянское племя [9, с. 195-197; 10, с. 154; 11, с. 413-414, 542]. «Коренной регион праславянских смолян определить не удастся, но несомненно, что части этого племени проделали большой путь от своего исходного центра» – писал В.В. Седов в работе «Славяне в раннем средневековье», вместе с тем отметив, что, согласно лингвистическим изысканиям О.Н. Трубачева, «...известная надпись на корчаге, найденной в Гнездове под Смоленском, ... отражает импульс из Среднего Подунавья» [10, с. 154]. В другом своём исследовании В.В. Седов, признав мысль О.Н. Трубачева о расселении смолян из Дунайских земель «небезынтересной» [9, с. 195], предположил, что в таком случае часть праславянских смолян осела в кривичском Поднепровье, проделав большой путь из Подунавья, «возможно в числе носителей лунничных височных

колец» [9, с. 197]. В последующем В.В. Седов пришёл к убеждению, что определить «коренной регион гипотетических праславянских смолян» всё-таки не представляется возможным, что нельзя также исключать независимого происхождения сходных этнонимов балканских, полабских и верхнеднепровских «племён», т.к. их названия связаны с занятиями подсечно-огневым земледелием [11, с. 414].

Мнения о расселении к середине IX в. на Днепре славянского племени, которое можно «условно» назвать «смолянами», «так как в летописи их собственное название не упомянуто», придерживается также Е.А. Шмидт, что находит подтверждение в одной из последних его работ [16, с. 79].

Таким образом, в указанный историографический период в отечественном научном сообществе сформировались различные взгляды как на проблему «полочан», так и на проблему «смолян». Общей основой исследовательского процесса было признание их славянской идентификации. Но если одни исследователи считали возможным говорить о «полочанах» или «смолянах» как об отдельной этнической общности, то для других – как те, так и другие были лишь частью кривичей. Отсутствие единства мнения по данному вопросу объясняется ограниченностью и недостаточной определённости соответствующих известий письменных памятников и невозможностью посредством иных исторических источников получить данные, необходимые для разрешения этой непростой этнической задачи восточноевропейского раннего средневековья.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев Л.В. Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX-XIII вв. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
2. Горский А.А. Кривичи и полочане в IX-X вв. (Вопросы политической истории) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. – М.: Наука, 1995. – С. 50–63.
3. Кузьмин А.Г. К вопросу о полочанах Начальной летописи // Древние славяне и их соседи. Материалы и исследования по археологии СССР. № 176. – М.: Наука, 1970. – С. 125–127.
4. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – СПб.: Евразия, 2005. – 640 с.
5. Мачинский Д.А. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. – М.: Наука, 1981. – С. 31–52.
6. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. 2-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 416 с.
7. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 589 с.
8. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 326 с.
9. Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 317 с.
10. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. – М.: Фонд археологии, 1995. – 416 с.
11. Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. – М.: Языки русской культуры, 2002. – 624 с.
12. Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX-XIV вв.) // Советская археология. XVIII. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 190–229.
13. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 311 с.
14. Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. – М.: Наука, 2005. – 286 с.
15. Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – С. 34–93.
16. Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). – Смоленск: И.А. Флиманкова, 2012. – 168 с.
17. Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 232 с.